

Ольга
Тришко

МЫШЕЛОВКА

Рассказ

Через два часа должен наступить Новый год. Она ему была не рада, но по привычке накрыла стол, расставив приборы по своим местам: этот – мужу, который умер два года назад, этот – матери, которая недолюбливала зятя при жизни, но почему-то последовала за ним через несколько дней, этот – дочери. Нынче она встречает праздник уже в собственной семье. Позвонит, конечно, поздравит и пустит трубку по кругу: Володьке и его многочисленной родне. Вид придется бодрым делать: не нагружать же тоской одиночки счастливых людей!

А поскольку времени до боя курантов оставалось уйма, она прилегла на диван подремать, надеясь, что уж телефонным-то звонком ее к бокалу шампанского поднимут, если что.

Но не спалось: в голову лезли мысли одна другой печальней. Жалела покинувших ее, потом начала жалеть себя, по щекам потекли слезы, и она, намучившись, поднялась. Не зажигая свет, прошла на кухню, тут щелкнула выключателем и обомлела: у стенки шкафа, тараша на нее темные, буравящие бусинки, сидела... мышь!

Так прошло несколько секунд, мышь исчезла, а она оказалась на кухонном столе, дрожащая и прикрывающая лапами халата ноги, словно этот зверек мог появиться опять и кинуться ее грызть.

Потом она закричала и снова заплакала, но за соседской стенкой ее не могли услышать и прибежать на помощь: там гремела музыка и произносились тосты.

Затрезвонил телефон. Она не сумела себя пересилить и пройти в зал. Телефон позвонил, позвонил и замолк. «Ладно, хоть не забыла, доченька, – благодарно подумала она о Танюшке и решила: – Скажу, что уснула, не слышала».

Еще посидела на корточках на столе, поглядывая на то место, где только что виделась мышь, осмотрела всю кухню, ломая голову, куда та могла юркнуть, после стала думать, как она забрела на последний этаж, и решила, что утром обследует все плинтуса и зацементирует ход, если тот появился.

Новый год уже наступил и немного повзрослел, когда она решила опустить ноги на пол. Осторожно вышла в коридор, плотно прикрыв дверь кухни и заложив низ большим полотенцем, приготовленным к стирке, и прошла в спальню. Опять долго лежала и думала: вот и рухнуло все. Какая жизнь без семьи, без привычных

забот, без радостных возгласов в конце дня: «Наша мать пришла, молочка принесла!», без счастливого осознания своей значимости для них – муж был давно на инвалидности, и она пеклась о нем, как о ребенке.

Среди горьких мыслей, которые ночью могут довести до отчаяния, металась свежая: «А если она объявится снова? Замажу дыры, насыплю яда, а она объявится снова?.. Это – конец, это – дыхание разрухи. Это – не к добру!»

Утром она постучалась к соседке, та долго открывала двери, пропустила ее через порог, удивившись визиту – они только у почтовых ящиков на лестнице встречались.

Смущаясь и краснея, Лариса Петровна, как милостыню, попросила:

– Не одолжите ли мне вашу кошку на несколько дней?

Соседка еще больше удивилась и любопытствовала:

– Зачем?

– У меня появилась мышь.

Соседка подумала что-то свое, сообразила и отказала:

– Во-первых, у нас не кошка, а кот, во-вторых, он будет драть мебель.

И в доказательство провела Ларису Петровну в комнату и продемонстрировала ей диван, кресло и даже обои.

– В-третьих, если мыши объявились у вас, значит, и к нам побегут.

Последнее она могла бы и не говорить, чтоб совершенно не охлаждать соседские отношения: Лариса Петровна и так отступила назад, ужаснувшись не только драной мебели, но и специфическому запаху. Это отразилось на ее лице, и соседка радостно подхватила:

– А они все пахнут! Но я привыкла, не чувствую.

Уже на лестничной площадке, выступив за Ларисой Петровной и вернув ногой своего рыжего, толстого, с наглой мордой кота за порог квартиры, посоветовала:

– А вы к Игнатьевым постучитесь. У них кошка, и она в унитаз ходит. Может, дадут.

Игнатьевы вошли в положение, выдали кошку. Снабдили ковриком, на котором та привыкла спать, миской и китикетом в хрустящей упаковке. Посомневались, что их любимица предпочтет такой вкуснятине мышь, но и утешили:

– Не станет есть, так хоть попугает. Ее, кстати, зовут Изольдой.

Изольда рвалась из рук Ларисы Петровны с не кошачьей силой. Она ее чуть не упустила, но все же донесла до дверей, зашла и поставила свою спасительницу на пол. Та сиганула в спальню, забила под кровать и не хотела выходить даже на кормежку.

– Дикая ты, что ли? – рассердилась на нее Лариса Петровна и отстала: проголодается, объявится.

Кошка приняла кровать за всю квартиру: там ела, там справляла нужду, орала от тоски по своим, и Ларисе Петровне пришлось с ней вскоре расстаться, поблагодарив Игнатьевых и почувствовав, что теперь у них в долгу: младшие Игнатьевы так об Изольде истосковались, что было видно – они с трудом пережили разлуку.

Понадеявшись, что квартира, пусть на короткое время, но будет хранить кошачье присутствие – под кроватью следы Изольды ничем не промывались, – Лариса Петровна, отведя три праздничных дня, в четверг пошла на работу. Там забылась, перелистывая поступивший частный архив, потом его оформляла и устраивала

на должное место на стеллажах. В музее она недавно – раньше работала в НИИ, но НИИ позакрывались, а ее, как еще молодую и трудолюбивую, взяли сюда. В НИИ было интересней: любимое дело, большой коллектив, уйма новостей каждый день – кто какую книгу прочел, кто кино посмотрел, а Людмила – ее политинформатором звали – все услышанное по «Голосу Америки» дословно пересказывала. Общие радости, общие печали: вторая семья. Нынче ни второй, ни первой. В тридцать шесть – вдова-одиночка. Разве что Танюшка в нее пойдет – сильно тянуть с ребенком не станет, подарит внука.

И вечером хлопотала по дому: три комнаты на ее плечах остались – все обихаживать надо, поменять на меньшую квартиру – духа не хватало. Эти родные углы помогали ей, как могли, а она возьмет и – в чужие руки их!

А ночью мышь объявилась опять. Только она ее не увидела, а слышала. Мышь прогрызла полиэтиленовый мешочек с пшеном, и то посыпалось, словно дробь, на пол. Лариса Петровна села на кровати, поджав ноги, и замерла. Подумала: «Теперь-то как пролезла? Ведь все обследовано – нигде щели нет». О том, что мышь может найти себе лаз в самом неожиданном месте, не догадалась, а оно было – под ванной. Не знала и ломала голову: что делать, чтобы прекратить этот кошмар.

Когда на кухне затихло, она на цыпочках пробралась туда и все-таки включила свет: по полу, у шкафа, желтым ручейком протекла крупа, мешок был пуст и свисал рваным краем с полки. Она брезгливо сняла его и кинула в ведро для отходов, смела в совок все с пола и сбросила туда же, потом долго мыла пол на кухне, шкаф, где похозяйничала эта тварь, руки.

– И так будет каждый день! Вернее – каждую ночь... – утирая слезы, которые после похорон матери и мужа взялись появляться даже без явной причины, вслух говорила Лариса Петровна. – Я не вынесу этого! Этого я не вынесу!..

Танюшка, выслушав мать по телефону, торопливо посоветовала:

– Кошку с улицы принеси!

Лариса Петровна глубоко вздохнула в ответ.

– Ты чего, мам? Ты говори, я опаздываю!

Танюшка теперь всегда куда-то опаздывала, и Лариса Петровна поспешила попрощаться.

– Не бери в голову, мам! Подумаешь – мышка! Я в детстве их руками ловила в садике на кухне.

– Как?! – задержалась у трубки Лариса Петровна. – В детском саду?

– Ну да! Их там видимо-невидимо было.

– А руки потом мыла? – запоздало побеспокоилась Лариса Петровна.

– Мы с ними играли. Они – прелесть! Целую, мам!

Пережив детский садик, как вчерашний день, Лариса Петровна задумалась над Танюшкиным советом. Ну, возьмет она кошку, ну, окажется она не как кот у соседки или Изольда у Игнатьевых, а – ласковой и – к сердцу, она к кошке привыкнет, полюбит, а та прикажет долго жить через несколько лет? Не много ли потерь на ее счету уже? Да, кошка – ценность иная, но Лариса Петровна больше не желает никого терять, даже ее. И опять – командировки по области... Хотя и редкие, на три дня от силы, но Изольда и двух не прожила в чужих стенах.

– Тогда купи мышеловку, мам! – опять бегом посоветовала Танюшка и чмокнула в трубку.

В субботу, чуть свет, Лариса Петровна была на рынке. В хозяйственных магазинах пожалы плечами: сроду такой товар к ним не поступал. «А где взять?» – смятенно попытала продавщиц Лариса Петровна. «Нигде. Разве что в рядах пенсионеров – те сейчас что угодно из дома на продажу несут, может быть, там повезет».

Не повезло. Ее выслушали, посокрушались, обещали поспрашивать у соседей, а одна старушка, пробуя примирить ее с мышью, сказала:

– А ты, считай, – милостыньку подала. Тварь-то Божья. В церковь, поди, редко ходишь?

– Совсем не хожу, – не захотелось лукавить Ларисе Петровне.

– Вот то-то и оно! – ухватилась за ее признание старушка. – Вот и проруха на тебя.

– То – Божья тварь, то – проруха, – засмеялись рядом.

– А все одно: делиться надо, не жадничать.

– Спасибо, – без иронии поблагодарила старушку Лариса Петровна и уныло побрела домой.

Около подъезда ее окликнула знакомая. Лариса Петровна остановилась, не сменив выражения лица, и та приняла его на свой счет.

– Лариса, у тебя или зубы болят, или ты мне не рада? – обиженно спросила Дарья.

– Ни то, ни другое, – вздохнула Лариса Петровна и тут же кинулась за советом: – Дашенька, ты на первом этаже ведь живешь. К тебе мыши из подвала в гости ходят?

Дарья подняла глаза к небу – дом их был высокий, квартиры по три двадцать от пола. А у Ларисы, выходит, все шестнадцать от земли. Ее-то какая печаль?

– Так ходят? – поторопила Лариса Петровна с ответом.

– Бывает, а что?

– Как ловишь?

Дарья засмеялась:

– Мышеловкой.

– Где взяла?

– Беру.

– Где?

– У соседа.

– Номер квартиры?

Дарья задохнулась от смеха.

– Ларис, ты чего мне Нюрнбергский процесс устроила? По-человечески можешь?

– Я уже больше недели не живу, а трясусь, – Лариса Петровна глубоко вздохнула. – А я ими с детства брезгую. Я их... боюсь до смерти!

Дарья понимающе погладила Ларису Петровну по руке.

– Я – тоже.

Помолчала, думая, включать Ларису Петровну в длинный список очередников на мышеловку или повременить, пока своя пройдет, но – пожалела. Назвала номер квартиры и имя владельца.

– Дадут? – заволновалась Лариса Петровна. Нерешительность знакомой была откровенной. – Самим ведь нужна...

– Самим – нет: к ним и комар не просочится. Посмотри, какие сетки! Народный умелец делал.

Дарья повела взглядом в сторону ближнего окна. Оттуда их давно уже разглядывали и подслушивали.

– А, Венька! Отец дома? – не растерялась Даша. – Мы к вам как раз собирались зайти.

– Не-ка. Он на работе.

– В субботу?

– Ага. Вечером будет.

– Ну ты поняла куда стучать? – Даша заторопилась. – Только сразу получить – не надейся. Он ее многим одалживает. Сам сделал для дачи, особенную. Ловит лучше кошки.

– Правда? – обрадовалась Лариса Петровна, мирясь с тем, что случится это не завтра. Лишь бы случилось.

Часов через пять, не так чтоб совсем по темну, но уже в сумерках Лариса Петровна позвонила в дверь названной квартиры. Ей открыли не сразу, а когда открыли, она увидела в глубине комнаты высокого и, как ей показалось, худого мужчину с девочкой на руках. Та была явно из ванны и не давалась вытираться: болтала ногами, свисала с рук и хохотала.

– Будет, будет, не разыгрывайся ко сну! – полусердито выговаривал ей мужчина. – Кому сказано!

Девчонка заливалась еще сильнее.

Венька, узнав Ларису Петровну, впустил ее окончательно, и тогда все взглянули друг на друга.

– Добрый вечер! – смущаясь, произнесла Лариса Петровна и осталась у порога: боялась наследить.

– Добрый! – отозвался мужчина и поставил девчонку на диван, велев: – Давай одевайся скорее, не маленькая. – Ларисе Петровне предложил: – Проходите, садитесь.

– Нет, нет, я – на секунду. Я знаете за чем? За мышеловкой. Мне Даша подсадила... Я в соседнем подъезде живу, он торцом от вашего...

– Жаль, но она на руках. – Мужчина увидел, как гостя расстроилась и добавил: – Но завтра будет, я ее возьму. Да возьму, чего вы так!

– Я отблагодарю... Я...

– Шить умеете? – вдруг спросил хозяин мышеловки.

– Шить? Да. А что?

– Аванс хочу взять.

Мужчина засмеялся. Девчонка на диване запрыгала, засветившись от него.

– Моя юла подол где-то зацепила, он весь и распустился. Не подошьете?

– Сейчас?.. Вообще-то могу, где платье?

Ей принесли и платье, и нитки с иглой. Пока Лариса Петровна возвращала прежний вид подолу, все были в соседней комнате, отспорив о чем-то, затихли. К ней вышел только мужчина.

– Уложил. Завтра чуть свет в деревню к старикам везу, а она разгулялась.

Только тут Лариса Петровна вспомнила имя мужчины – Анатолий. Справилась об отчестве.

– Семенович. Да вроде бы можно еще и без него. Вас-то как мне называть?

– Ну, тогда и меня – Ларисой.

Она закончила подшивать, сказала:

– Несите, что там у вас скопилось.

Мужчина глядел на нее внимательно, словно силясь что-то припомнить. Припомнил, отвел взгляд, сходил за носочками, протянул:

– Вот это мне вовсе не под силу, а купить новые – забыл...

Она стала штопать носки, гадая, куда же подевалась мать детей, решила: в отъезде в отпуске.

От чая отказалась, глянув на часы – заторопилась. Мужчина уточнил, где ее квартира, пообещал: как только вернется, так сам принесет. А вернется он завтра к вечеру.

Дарье Лариса Петровна позвонила сразу же, как пришла домой. Та порадовалась за нее:

– Ну и чудненько! Анатолий – человек слова.

– Сказал – сам принесет.

– А другим эту его штуку не настроить.

– Вот еще сам себе хлопоты лишние наделал.

– Я тоже так думаю, – Дарья помолчала. – Но и мы ему помогаем: ты же знаешь – его жена в позапрошлом году в аварию попала.

Лариса Петровна не знала.

– Вот и остался с ребятишками. Ляльке тогда всего четыре было.

– Да... – протянула Лариса Петровна. – Какой случай...

– Не повезло мужику.

– А он вроде веселый?

– Так почти три года прошло.

Поговорили о другом, положили трубки. Лариса Петровна опять прикрыла дверь кухни, заложила тряпьем и отправилась спать: теперь уже с надеждой на завтрашний день. Вернее – вечер.

Он пришел, как обещал. При нем был сверток. «Мышеловка!» – радостно догадалась Лариса Петровна.

– Мне ее самому установить надо, вы не сумеете.

– Конечно! Я знаю.

– Где?

– Так на кухне.

Он прошел, окинул взглядом все углы – они были заняты, посмотрел на Ларису Петровну.

– Придется здесь. А не хотелось бы.

– Почему?

– Еще заденете нечаянно.

– И – что? – испугалась Лариса Петровна.

Анатолий снисходительно улыбнулся:

– Да ничего. Щелкнет бесполезно.

– Она щелкает?

– Если пустая.

– А если?..

Он опять улыбнулся:

– Тогда – беззвучно: мышь мягкая.

– А-а... Понятно.

Он поставил мышеловку под окно, присел на корточки и потребовал:

– Сало давайте.

– Какое?

– Свиное.

– У меня его нет... Я не знала.

Анатолий выпрямился. Было видно, что проделывать путь до дома и обратно ему не сильно хотелось. Лариса Петровна заволновалась: пришел, принес и еще дальше хлопочи.

– Я сейчас, я у соседей займу. Вы посидите!

Он посидел, она сбегала к Игнатьевым и вернулась с куском желтого, видать, крепко посоленного сала.

– Это – пусть сами едят. Ладно, спущусь к себе, – проговорил Анатолий и уже из коридора предупредил. – Не вздумайте налаживать. Палец пробьет.

– Ой! Конечно же, не стану, что вы!

Анатолий, уже на улице, вспомнил испуганное лицо Ларисы Петровны и опять снисходительно улыбнулся...

Потом она собирала на стол, словно давно ждала гостя, и Анатолий не сумел отказаться – посидеть за ним. Подавая еду, Лариса Петровна то и дело поглядывала под окошко и тут же отводила взгляд от настроенной упругой проволоки, почти в самом конце захваченной крючком. Это «почти» и было секретом Анатолия. Вернее – не секретом, а – расчетом. Беспроигрышным, как ей сказали.

У него давно не случалось такого праздничного ужина, у нее – мужчины за столом. В конце концов Лариса Петровна перестала оглядываться на мышеловку и развеселилась. Анатолий увидел в ней другую, выступившую из-за страха, паники и одиночества. То, что она похоронила мужа, он знал: вспомнил, когда увидел у себя. Он тем летним днем развешивал белье во дворе, услышал траурную музыку, обогнул угол дома и сразу уперся взглядом в ее заплаканное, потемневшее лицо. Удивился – что с человеком беда делает. Пожалел. Но на поминки, как остальные соседи, не пошел – сам не так давно годовщину жены отвел, а это – событие грустное.

– Вы теперь прежней стали, – сказал. – Смирились? – Поругал себя за эти слова

Лариса Петровна, как на каком-то грехе попалась, опять погрустнела. Пожала плечами, будто винясь:

– Жизнь-то идет, ничего не поделаешь.

– Идет. Конечно, идет.

Анатолий поднялся.

– Ну, счастливой вам охоты, мне – пора.

Он крупно шагнул к выходу, пожелал спокойной ночи и ушел. Она послушала из-за закрытой двери его шаги до первого этажа и пошла убирать со стола.

Мышеловка сработала среди ночи, когда Лариса Петровна, проснувшись, захотела пить. Она сонная прошла к газовой плите, налила в стоявшую на промежуточном столике чашку остывшего кипятка и неловко вернула чайник на место: крышка с него скатилась, ударилась об пол рядом с мышеловкой и та оглушительно – среди тишины – щелкнула. «Ну вот, натворила делов!» – совсем

проснулась Лариса Петровна и хотела расплакаться от огорчения. Мышеловки она боялась даже на расстоянии, а уж чтобы самой попытаться вернуть приманку на острие толстой проволоки – и думать не стала. «Объясню, позову еще раз. Все равно никто другой не сумеет».

Уснула перед утром, а до этого вспомнила застолье, этого высокого и, как оказалось, совсем не худого, а просто поджарого мужчину, его немой восторг от ее угощения и нежелание видеть, как она пытается ему угождать. «Какой мы самостоятельный...» – подумала Лариса Петровна и провалилась в сон.

Переждала, не пошла к Анатолию – свыкалась с неловкостью в душе и обдумывала, как слукавить, чтобы не посмеялся над ней. Уже в ту ночь сообразила: теперь мышь сало съест без риска. И опрокинула над мышеловкой картонную коробку, в которой раньше хранила картошку. Только к вечеру следующего дня позвонила в его дверь. Он открыл сам, поиронизировал:

– Идти снимать с крючка добычу?

– Да нет...

– А что?

– Не знаю. Но она почему-то просто так щелкнула, – чувствуя, что краснеет, проговорила Лариса Петровна.

Анатолий уже был в глубине комнаты, тянулся за пиджаком и не видел ее лица.

– Ну, пошли разбираться, – не сердясь и почти охотно сказал он, и Лариса Петровна облегченно вздохнула.

Коробку, конечно, загодя убрала, и Анатолий посомневался:

– А есть ли мыши? Сало – целое.

– Есть-есть, – уверила его Лариса Петровна поспешно. – Просто не каждый же день им меня пугать.

– Странно, – смотрел на мышеловку Анатолий и ничего не понимал. Повторил: – Странно, – и взялся вновь ее настраивать.

Делал он свою работу медленно, перепроверя, потом постоял, взглядываясь, поднял глаза к шкафу и увидел отошедшую от петли дверцу. У него была еще в руке отвертка, которую он принес с собой, ею он и закрутил шурупы. Поводил дверцей туда-сюда, еще раз подтянул металлические шляпки, сунул отвертку в карман.

– Может, от вибрации? – сказал.

Лариса Петровна не сообразила.

– На проспекте живем, дом потряхивает.

– А... да, может быть.

Чай пили коротко – Веньку домой пора было загонять: пришел с работы и еще сына не видел. Лариса Петровна дала с собой булочки – напекла утром. Чтобы не встретить возражения, произнесла:

– Мальчику.

– Спасибо. Вообще-то мы домашнее только в деревне теперь пробуем. А у вас хорошо стряпня выходит.

– Свекровь давно научила, – засмушалась и – заодно – обрадовалась Лариса Петровна. – Да и семья большая была – не накупаешься. – И вдруг предложила: – А хотите, я ваших детей иногда баловать буду? А то все рецепты пере забуду, без практики.

Анатолий постоял, подумал, отказался.

– Зачем это вам?

– Ну, как хотите. Я – от чистого сердца.

На ночь Лариса Петровна снова огордила мышеловку коробкой. Осторожно, как на мину, опустила ее и ушла спать...

Встретились они в конце недели. Анатолий спросил:

– Ну, как?

Она спокойно ответила:

– Никак. Стоит себе.

– Ну, пусть стоит. Когда-нибудь щелкнет.

Это «когда-нибудь» Ларису Петровну не устраивало. Она хотела, чтоб Анатолий уязвился, озадачился – почему его знаменитая мышеловка бездействует, а он вот так – «когда-нибудь»! Даже обиделась, усмотрев за таким ответом полное к себе равнодушие.

А Анатолий ей очень понравился. Самой себе страшно было сознаться, но – вошел в ее мысли этот мужчина: бедой ли своей, силой ли – не растерялся, детей на ноги поднимает, без женщины столько времени живет. Она не знала, что в прошлом году появлялась в квартире Анатолия одна, да быстро исчезла: он ей был нужен, а дети его – нет. Больше он себе в подруги никого не искал: чуть свет – на работу, вечером – с ребятишками. Ему хотели помочь, пытались смотрины устроить, приводили женщин и под видом няни, он отмахивался: «сами справимся».

Себя Лариса Петровна красавицей не считала, но, как говорится, все было при ней. И возрастом подходила: Анатолий женился поздно, вот и ребятишки потому еще маленькие.

И не замуж Ларисе Петровне захотелось: ушел Анатолий последний раз, а она все его пиджак на спинке стула видела. И как дверцу поправил – помнила. И как он ел – неспешно, осанисто, ей понравилось, и как глядел на нее – не уводя взгляд до ее последнего слова. За такого ей в девчонках хотелось выйти, а склонил к замужеству Валерий. Старше ее был на девять лет, опытней в жизни, знал, на какие кнопки в ее душе нажимать. Жили неплохо, но прохладно. Потом сроднились. Когда потеряла его – полсебя потеряла, успела в нем прорасти и раствориться. Думала – дальше жить не стоит: для чего, для кого? И неожиданно пересмотрела себя: а что, если для семьи Анатолия? А что?

Мышь приходила и уходила. Она ее слышала и тихонько посмеивалась из спальни в ответ на ее шуршание. Знала – мышеловка надежно прикрыта.

Потом нижние соседи повинились:

– Мы стали потолок в ванной штукатурить, а возле стояка, видим – кусок отвалился. К вам дыра идет и – в стену. Вечером придем, заделаем.

Она кивнула и – растерялась: если заделают, мышь пропадет, она отдаст мышеловку и – что? Годами с Анатолием не виделись, потому что на разные улицы из дверей подъездов выходили. Не менять же маршрут – сразу поймет, зачем. Совета спросить было не у кого: не у Дарьи же с Танюшкой! Те знали только одно: мышеловка в доме и – скоро сработает. Дарья спрашивала о мышеловке заинтересованно: у нее опять мыши объявились, Танюшка – наспех и с иронией:

– Что там за изобретение особое? Забежать бы глянуть.

– Забеги уж, – грустно отозвалась Лариса Петровна, прибавляя к двум неделям и прошедшую: столько дочери было все некогда к ней завернуть с работы.

– Да ведь позавчера виделись! – изумилась дочь.

– Позавчера я вашим незванным татаринком была.

– Ну, мам, ты скажешь! – И уже через секунду чмокала ее в трубку: – Спок ночь, мам, а то мне еще отчет дописывать!

– Ты рожать когда-нибудь собираешься?

У Ларисы Петровны давно назрел этот вопрос, но выговорить его она все не могла.

– Рожать? Сейчас?! – Танюшка почти обиделась на мать. – Ну и домостроевка же ты! – И твердо объявила: – Мы с Володькой еще не нагулялись.

Лариса Петровна помолчала, попрощалась и опустила трубку на рычаг: все шло к тому, чтобы семья Анатолия стала ее семьей. Но вот как это сделать, она не знала.

Дыра была все же замазана и Лариса Петровна убрала коробку. Могла бы и не убирать – в квартире, кроме нее самой, больше никто не ходил, не бегал, не издавал звуки. Только радио и телевизор, но они – не в счет.

Анатолий все же заволновался, зашел как-то к ней после работы, переместил подсохший кусочек сала на самое острие, решил, что глубоко все-таки насадил раньше, поудивлялся:

– Первый раз осечка.

Хотел добавить опять: «Да есть ли мыши?» – не добавил: Лариса Петровна глядела на него, как пациент на доктора, готового сообщить ей страшный диагноз. Попросил напоить чаем.

Она выставила на стол еду, словно ждала гостя каждый день. Он не отказался. И Веньке взял: Лялька с Павлом – Венькиным близнецом были еще в деревне, и до Ларисы Петровны о другом сыне Анатолия сведения как-то не дошли. А дошли бы – ничего не изменили в ее планах.

Мышь не ловилась, мышеловка стояла, и проходили уже все сроки, чтобы так продолжалось. Два раза Лариса Петровна выходила из положения: вспомнив о «вибрации дома», она прыгала по половице, на краю которой было изобретение Анатолия, и оно мгновенно срабатывало. Он приходил, настраивал, ужинал, задерживался, чтоб гвоздь забить, кран исправить, утюг починить. В последний раз она подала ему маленькие носки и варежки, для Ляльки. Пушистые, беленькие, теплые.

– Могу и свитерки связать, – предложила она.

Как в прошлый раз он не спросил – «зачем вам это?». Кивнул согласно. И лишь тогда Лариса Петровна созналась дочери:

– Ты, конечно, осудишь, Танюш, но, кажется, я выйду замуж.

Та прожевала пряник, запила чаем и переспросила:

– Кажется или выйдешь?

– Но ты не расстраивайся, – не расслышала ее Лариса Петровна из-за сильного волнения и радуясь, что взрыва не последовало. – Я своего внука вынынчаю.

– Его Володькина мать уже приватизировала. Выходи спокойно.

– И – все?

– А еще что? Мам, ты говори поскорее, я на пороге стою.

– Беги, – разрешила Лариса Петровна.

– Ага! – отозвалась Танюшка.

Вечером, в канун очередного Нового года в квартире Ларисы Петровны было шумно и весело. Анатолий привез из деревни елку – под потолок – и всех своих родных. Лариса Петровна рассмеялась, увидев Пашку:

– Это как же я вас с Вениамином различать-то стану?

– По имени, – серьезно ответил Павел, всматриваясь в нее и не находя пока, к чему бы прицепиться: он был полной Венькиной противоположностью в поступках.

Из деревни привезли столько продуктов, что и в два холодильника не вошло.

– Куда? – разводила руками Лариса Петровна.

Мать Анатолия заговорщически шептала:

– Так еще и – на свадьбу. Анатолий велел.

– Правда?!

– Вот те на! Вы-то сами, что? Еще не договорились?

Лариса Петровна обняла эту ставшую вмиг родной женщину.

– Раз велел, значит – так и будет!

В кухне, перевязанная блестящей мишурой и потому потерявшая свой грозный вид, стояла на своем месте невзведенная мышеловка. Если бы было можно, Лариса Петровна повесила бы ее над дверью, как вешают подкову – на счастье. Но кроме Анатолия никто бы этого не понял, а он и так оценил, бросив короткий взгляд под окно. И обнял Ларису Петровну, никого не стеснясь.

Ольга Федоровна Гришко родилась в Семипалатинске, там же окончила педагогический институт им. Н. К. Крупской. Работала в газетах «Прииртышская правда», «Рудный Алтай». В Алма-Ате – редактором издательства «Казахстан», корреспондентом, заведующей отделом культуры газеты «Вечерняя Алма-Ата», литературным консультантом правления Союза писателей Казахстана. В Барнауле живет с 1986 г. Была ответственным секретарем журнала «Барнаул», руководила поэтической студией при отделении Союза писателей Алтайского края. С 1999 г. – редактор отдела прозы журнала «Алтай». Сейчас главный редактор журнала «Культура Барнаула». Автор многих книг стихов и прозы, переводчик. Ее произведения переведены на казахский, якутский, украинский и другие языки. Лауреат премии В. М. Шукшина, награждена знаком Министерства культуры России «За достижения в культуре», лауреат премии «Лучшая книга года» и муниципальной премии г. Барнаула за книгу «Избранное» (2004), премии имени Л. С. Мерзлякина (2011), награждена многими почетными грамотами. Член Союза писателей СССР с 1980 г.

